

**КАК САЙМОН КУЗНЕЦ «НАЧАЛ СВОИ УНИВЕРСИТЕТСКИЕ
ЗАНЯТИЯ»?****ЧАСТЬ 1****ЯК САЙМОН КУЗНЕЦЬ «РОПОЧАВ СВОЇ УНІВЕРСИТЕТСЬКІ
ЗАНЯТТЯ»?****ЧАСТИНА 1****HOW DID SIMON KUZNETS «BEGIN HIS UNIVERSITY STUDIES»?****PART 1**

**Михайличенко Дмитрий Юрьевич
Михайличенко Дмитро Юрійович
Mykhailychenko Dmytro Yuriovych**

Аннотация. Задачей статьи является выявление теоретико-концептуальных истоков научного творчества и научных взглядов С. Кузнеца, которые могли бы быть связаны с его обучением в Харькове в 1918-1921 г. С этой целью анализируется структура учебного плана Харьковского коммерческого института и рассматриваются академические биографии и научные взгляды ведущих профессоров и преподавателей, курсы которых прослушал С. Кузнец. В частности, выделяются следующие направления: история хозяйства и экономической мысли (проф. В. Ф. Левитский (1854-1939)), политической экономии и экономической географии (проф. П. И. Фомин (1873-1936)), статистики и теории вероятностей (проф. А. Н. Анциферов (1867-1943), преп. С. Н. Бернштейн (1880-1968)). Содержание обучения вводится в контекст теоретико-методологических и политических дискуссий рассматриваемого периода. В частности, рассматривается вопрос о неамериканских истоках институционализма и эмпирической направленности методологии Кузнеца, влияния на его взгляды революции в статистическом методе и проч. На основании рассмотренного материала делается вывод о схожести интеллектуального процесса, обуславливавшего развитие экономической науки на рубеже XIX-XX ст. в США и в Украине, что

позволяет говорить о двух истоках (или влияющих факторах), повлиявших на становление С. Кузнеца как учёного-экономиста.

Ключевые слова: Саймон Кузнец, Харьковский коммерческий институт, академическая биография

Анотація. Завданням статті є виявлення теоретико-концептуальних витоків наукової творчості і наукових поглядів С. Кузнеца, які могли б бути пов'язані з його навчанням в Харків в 1918-1921 р З цією метою аналізується структура навчального плану Харківського комерційного інституту та розглядаються академічні біографії і наукові погляди провідних професорів і викладачів, курси яких прослухав С. Кузнець. Зокрема, виділяються наступні напрямки: історія господарства та економічної думки (проф. В. Ф. Левитський (1854-1939)), політичної економії та економічної географії (проф. П. І. Фомін (1873-1936)), статистики та теорії ймовірностей (проф. А. Н. Анциферов (1867-1943), преп. С. Н. Бернштейн (1880-1968)). Зміст навчання вводиться в контекст теоретико-методологічних і політичних дискусій розглянутого періоду. Зокрема, розглядається питання про НЕ-американських витоків інституціоналізму та емпіричної спрямованості методології Коваля, впливу на його погляди революції в статистичному методі і ін. На підставі розглянутого матеріалу робиться висновок про схожість інтелектуального процесу, який зумовлює розвиток економічної науки на рубежі XIX-XX ст. в США і в Україні, що дозволяє говорити про двох джерелах (або впливаючих факторів), які вплинули на становлення С. Кузнеца як вченого-економіста.

Ключові слова: Саймон Кузнець, Харківський комерційний інститут, академічна біографія

Annotation. The aim of the article is to identify the theoretical and conceptual sources of scientific activity and scientific views of S. Kuznets, which could be related to his teaching in Kharkiv in 1918-1921. With this purpose, we analyze the structure of the Kharkiv Institute of Commerce's curriculum and academic biographies besides with scientific views of its

leading professors and teachers, whose courses were studied by S. Kuznets. In particular, we distinguish the following areas: the history of economy and economic thought (Prof. V.F. Levitsky (1854-1939)), political economy and economic geography (Prof. P.I. Fomin (1873-1936)), statistics and probabilities theory (Prof. A.N. Antsiferov (1867-1943), lecturer S.N. Bernshtein (1880-1968)). The content of the educational courses is introduced into the context of the theoretical, methodological and political discussions of the period under review. In particular, we consider such problems as the issue of the non-American sources of institutionalism and the empirical focus of Kuznets' methodology, the impact on his views influenced by the revolution in statistical method, etc. Based on the discussed material, we made a conclusion about the similarity of the intellectual process conditioned the development of economic science at the turn of the 19th-20th century in the US and in Ukraine. That allows us to talk about the two sources (or main factors) influenced the formation of S. Kuznets as a scientist-economist.

Key words: Simon Kuznets, Kharkov Commercial Institute, academic biography

Постановка проблемы. Можно считать общепризнанным, что Саймон Кузнец был одним из крупнейших экономистов XX столетия. По меткому выражению М. Абрамовица, Кузнец был одним из тех исследователей, благодаря которым экономика превратилась “из отрасли прикладной логики в эмпирическую науку” [22, с. 246]. Или тех, кто “установил стандарты количественного исследования экономики” [25, с. 435]. Эти работы были в некотором роде революционными, изменяя тот метод, которым пользовались его великие предшественники, начиная с Риккардо. В значительной степени, эмпирическое направление работ Кузнеца было частью общемирового движения в исследованиях экономической конъюнктуры. Оно ярко отражалось в деятельности учителя и многолетнего сотрудника Кузнеца – У. К. Митчелла. Сам С. Кузнец безусловно признавал роль У. Митчелла в своей научной биографии и свой большой интеллектуальный долг перед ним [36]. Однако, вряд ли влияние У.

Митчелла было абсолютно преобладающим, на что указывают такие авторитетные историки экономической науки как А. Мэдиссон и М. Перлман, подчёркивая особенности исследовательского стиля С. Кузнецца и очевидно высокий уровень его подготовки, приобретённый в до-американский период его академической биографии.

Как особенности научной методологии С. Кузнецца выделяют:

- экономика развития с историческим подходом
- пионерское использование математических регрессий (теория циклов)
- эмпирические исследования экономической динамики

Неординарность Кузнецца проявлялась не только в стиле его научной методологии, но и в самой его личностной культуре. Приведём фрагмент из воспоминаний А. Аникина, видевшего Кузнецца на заседаниях рабочих групп Экономической комиссии ООН для Азии и Дальнего Востока в Бангкоке осенью 1955 года: «...Уровень мышления Кузнецца и остальных участников был несопоставим... Когда все эти непрофессионалы запутывали какой-нибудь вопрос, слово брал по своей инициативе или по просьбе председателя Кузнец, скромный, деликатный человек с тихим голосом, неторопливой и чёткой профессорской речью... Никого не задевая, он быстро заменял туманные разговоры более или менее строгим анализом. Через десять - пятнадцать минут всё становилось на свои места, и мы удивлялись, как мы этого раньше не понимали или не замечали. Его умение разложить сложный вопрос на простые и ясные составляющие восхищало» [1].

Анализ последних исследований и публикаций. Относительно до-американского академического бэкграунда Кузнецца исследователи его творчества длительное время могли лишь строить догадки, что неудивительно. Свою роль здесь сыграл целый комплекс обстоятельств. Во-первых, это “молчаливость” С. Кузнецца о своей биографии до эмиграции в США. Кузнец не акцентировал внимание на “украинском” (русском? советском?) периоде своей биографии. Исходящие от него самого сведения крайне отрывочны и фрагментарны. Нам известны лишь редкие обмолвки С. Кузнецца, как, например, донесённое Р. Фогелем упоминание С. Кузнецца об учёбе в “научной гимназии” в Харькове, сказанное на праздновании его юбилея в Гарвардском

университете. Что здесь сыграло свою роль, стремление Кузнецца натурализоваться и не выделяться из американской культурной среды, как полагает Г. Вейл, или отсутствие интереса к таким деталям его американского окружения, ныне сказать уже сложно. Во-вторых, это языковой и культурный барьер, поставленный для исследователей советским режимом. Замкнутость советского общества, языковой барьер, малодоступность источников ставили в сложное положение зарубежных исследователей. Для советских историков экономической науки личность эмигранта и “буржуазного учёного” С. Кузнецца фактически закрытой темой для исследования. Более того, частью советского общественно-культурного процесса было создание и углубление разрыва с досоветским прошлым, что сопровождалось настоящим вытравливанием исторической памяти и уничтожением преемственности, в частности, академической, между поколениями.

Как следствие, изучение до-американского академического бэкграунда С. Кузнецца сводилось к спекуляциям на базе очень ограниченного круга известных исследователям биографических фактов. А. Мэддисон пишет, что Кузнецц прибыл в США будучи “искушённым и хорошо обученным экономистом с практическим опытом статистической работы”, указывая, что в Украине преподавали в то время М. Туган-Барановский и Е. Слуцкий, а экономический анализ был, на его взгляд, более утончённым, чем в США [31, с. 7-8]. М. Перлман идёт дальше косвенных оценок, включая личность С. Кузнецца в более широкий академический и культурный контекст восточноевропейской еврейской диаспоры в США. Согласно его предположениям, С. Кузнецц находился под влиянием той же волны, что и его более старший (1888 г. р.) коллега – Зелиг Перман (отец М. Перлмана), со всеми её характерными особенностями: увлечением марксистским социализмом, опытом полулегальной политической деятельности, вынужденной эмиграции и проч. С. Кузнецц и З. Перлман “были очевидным продуктом русско-еврейского марксизма образца эпохи, предшествовавшей 1920-м гг.” [34, с. 308]. Было ли это очевидным? 13 лет разницы в возрасте, которые разделяли С. Кузнецца и З. Перлмана для культурного процесса в России на переломе XIX – XX ст. были существенной разницей, разделённой рубежом революции 1905 года и конституционных реформ.

Они принадлежали к разным поколениям, находившимся под влиянием разной интеллектуальной и культурной моды. Этот факт не позволяет проводить прямых аналогий между этими двумя личностями без серьёзных фактических оснований.

Г. Вейл, автор последней по времени крупной биографической публикации, посвящённой Кузнецу, также отмечает оригинальность его творчества в контексте американской экономической науки первой половины XX ст. Однако, высказывает несколько иную, противоположную догадкам М. Перлмана, гипотезу относительно загадки его жизни и творчества. С. Кузнец прибыл из Харькова с доскональным знанием «статистических и эмпирических методов». Его культура и его прошлое обусловили способность видеть экономику с позиции почти что чистой доски, без концептуальной предвзятости. Его строгие эмпирические линзы были не замутнены предвзятой теорией [37, с. 43]. Если это так, то как мог С. Кузнец получить “доскональную подготовку” в статистических и эмпирических методах без теории? Время учёбы Кузнецца было эпохой переворота в статистической методологии и наличие доскональной подготовки в современных ему статистических методах само по себе свидетельствовало о серьёзной вовлеченности в процесс развития “предвзятой теории”. Это же замечание можно сделать и об эмпирической экономике и о противоречии в фактах. Сам факт обучения Кузнецца в высшем учебном заведении (для Г. Вейла – предположительно в Харьковском университете) слабо увязывается с подобной “теоретической чистотой”.

Разобраться в проблеме харьковского периода академической биографии Кузнецца мешал не только дефицит информации, но путаница в известных её фактах. Ошибочно называлось даже место рождения Кузнецца. М. Абрамовиц, готовя в 1985 г. статью-некролог о Кузнецце с удивлением узнал, что большинство биографических изданий таковым указывают Харьков, хотя вдова учёного Е. Хандлер-Кузнец заверила его, что Кузнец родился в Пинске [28, с. 241]. Ещё более серьёзные искажения в биографии вызвало ошибочное, как оказалось, толкование слов из нобелевской автобиографии Кузнецца: “My university studies began in Russia, and were completed at Columbia University (B.Sc. in 1923, M.A. in 1924, Ph.D. in 1926)” [36]. Главный акцент фразы однозначно

смещён к Колумбийскому университету, где С. Кузнец получил свои научные степени. Однако исследователям казалось наиболее логичным и даже очевидным, что первая часть фразы не может указывать ни на что иное, кроме как на аналогичный вуз “в России”, в Харькове, где жил Кузнец – Харьковский университет. Про существование других экономических вузов в Харькове начала XX века вряд ли кто тогда помнил и догадывался.

Наверное, наиболее развёрнуто С. Кузнец высказался о своей до-американской биографии на праздновании своего 80-летнего юбилея в Гарварде. Эти слова из его выступления приводит Р. Фогель: “Я приехал в эту страну в 1922 году, когда мне был 21 год, таким образом, большую часть своей первой четверти жизни я провёл в России, преимущественно в обучении, но также в приобретении изрядного количества жизненного опыта: война, революция, два года в экономическом учреждении (*institution devoted to economics* - в оригинале, Д.М.), два года в советском правительстве. Собственно, я закончил как глава секции бюро статистики труда Украины, и моя первая публикация была на русском языке, когда я был в зрелом двадцатилетнем возрасте. Таким образом, когда я прибыл в Соединённые Штаты, я прибыл со специфическим багажом: обучением в научной гимназии (*scientific gymnasium* – в оригинале, Д. М.), изрядным опытом статистических исследований в экономике, изрядным объёмом прочитанного (я хорошо знал работы Шумпетера ещё перед приездом сюда), и любовью к правильным количественным процедурам, которые прилагаются к обществоведческой тематике” [27, с. 31]. Здесь обращают на себя однозначные указания Кузнеца на то, что значительную часть своей академической эрудиции и “жизненного опыта” в ключевой момент своего личностного формирования он приобрёл в Харькове. Однако, что это был за опыт и в чём состояла приобретённая в Харькове эрудиция?

Прорыв в воссоздании канвы фактов харьковского периода биографии Кузнеца связан с серией работ В. Московкина, вышедших в 2002 – 2012 гг. В. Московкиным была найдена и опубликована в репринте первая научная работа Кузнеца “Денежная плата рабочих и служащих фабрично-заводской промышленности Харькова в 1920 году” опубликованная в Харькове в 1921 г. [8]. В 2010 г. В. Московкин

обратился к дочери С. Кузнецца – Дж. Штейн, получив от неё документы, свидетельствующие, что в 1918 – 1921 гг. С. Кузнецц обучался в Харьковском коммерческом институте (ХКИ), сдав часть экзаменов за 1-й и 2-й курсы обучения [10; 11]. Далее, В. Московкиным были установлены обстоятельства обучения С. Кузнецца в реальных училищах в Ровно и в Харькове, а также биографические данные его учителей в ХКИ [9; 13; 15; 16]. Данные об обучении Кузнецца в Харьковском коммерческом институте хорошо ложатся на уже изданные работы по истории этого учебного заведения [18]. Попытка соотнести научные взгляды Кузнецца с концептуальным содержанием его харьковского периода академической активности была предпринята в работе В. Московкина и Д. Михайличенко, предпринявших публикацию магистерской диссертации С. Кузнецца “Экономическая система д-ра Шумпетера, излагаемая и критикуемая”, представленной в Колумбийском университете в 1924 г. [14] По свидетельству М. Перлмана, эта диссертация представляла собой доработанную англоязычную версию курсовой работы второго года обучения в ХКИ [35, с. 130].

Таким образом, у нас достаточно информации, чтобы продолжить восстанавливать фактическую канву харьковского периода академической биографии С. Кузнецца в её содержательной части.

Целью статьи является воссоздание тех интеллектуальных течений начала XX ст., которые могли оказать долговременное влияние как на научную эрудицию Кузнецца, так и на его взгляды на экономическую науку.

Харьковский коммерческий институт. Харьковский коммерческий институт был открыт в 1912 г. как высшие коммерческие курсы и представлял собой академически самостоятельное, самоуправляемое учебное заведение. Руководил им совет попечителей, представлявших, главным образом, предпринимательскую элиту города. К преподаванию были привлечены профессора харьковского университета и независимые специалисты. Идея, вдохновлявшая основателей курсов, была двойной. Профессора-экономисты хотели получить большой простор для своей научной и преподавательской деятельности, не связанной университетским уставом, признающим

экономику и финансовую науку лишь частью образования юристов, и ограничивавшую её юридическими факультетами. Торгово-промышленные круги высшего образования, более близкого к конкретной экономике и направленного на подготовку специалистов, ориентированных на работу в её заведениях – банках, страховых и торговых компаниях, заводских конторах. В движении за открытие высших коммерческих курсов и в деятельности по их становлению отличились сразу все три столпа харьковской коммерции – Харьковское купеческое общество, представлявшее созвездие купеческих фамилий, с принадлежавшими им торговыми домами; Союз съездов горнопромышленников юга России, объединявший горно-металлургические концерны Донецкого бассейна; и харьковские филиалы банков “большой пятёрки”, в частности, Азовско-Донского, Петербургского международного и Русско-Азиатского банков [18, с. 24-25]. Харьковские коммерсанты всячески способствовали развитию института. Не слишком важная, но весьма характерная деталь: в разгар Первой мировой войны глава его Опекунского совета коммерции-советник И. К. Велитченко умудрился доставить, в обход блокады и военных ограничений, итальянский мрамор и бронзовые светильники для парадной лестницы нового здания института.

В 1916 г. высшие коммерческие курсы получили статус института, выполнив предъявляемые к нему требования закона. Впрочем, кроме самого закона существовали обстоятельства, препятствовавшие самому их появлению, о чём свидетельствует письмо харьковского губернатора М. К. Катеринича министру торговли и промышленности, датированное маем 1912 г. Губернатор выражал опасения, связанные с ролью евреев в создании и деятельности будущих курсов [3, Ф. 3, Оп. 285, д. 243, Л. 1]. Ещё накануне открытия высших курсов, которые изначально претендовали на статус института, развернулась ожесточённая полемика в прессе, участие в которой принял и видный консервативный публицист М. О. Меньшиков, видевший в коммерческих институтах инструмент для продвижения еврейского засилья и политическую трибуну для левых радикалов [7, с. 468]. Консерваторы выдвигали и другой аргумент, принципиально выступая против развития неклассических (не университетских) институтов высшего образования.

К моменту поступления Кузнеця эти дискуссии, как и 5% ограничение для евреев в контингенте студентов, уже отошли в прошлое, будучи деактуализированы волной демократической революции 1917 года. В 1916 г. контингент учащихся достиг 558 студентов и вольнослушателей обоего пола. Согласно планам, его предполагалось довести до 4 тыс. человек (по 1 тыс. на каждом курсе). Институт имел качественный преподавательский состав и развивал современные для своего времени формы учебного процесса. В 1916 г. преподавали в ХКИ 58 человек – 15 профессоров, 2 приват-доцента, 33 преподавателя и 8 ассистентов. В институте действовал один факультет – экономический, который подразделялся на пять отделений: экономико-коммерческое, педагогическое – для подготовки преподавателей экономических дисциплин, банковско-страховое, местного хозяйства, промышленное. Такая структура полностью отражала хозяйственную специализацию Харькова и всего региона так называемого тогда юга России. В частности, открытие промышленного отделения было ответом на запросы горно-металлургических концернов и их основного репрезентанта – Союза съездов горнопромышленников юга России во главе с одним из попечителей института Н. фон-Дитмаром.

Согласно имеющимся у нас данным, в 1918-1920 гг. ХКИ продолжал свою деятельность, которая, однако, испытывала воздействие революционного времени. Весной 1917 г. нормальный ход учебного процесса нарушался студенческой забастовкой “солидарности”. В ноябре 1917 – ноябре 1918 гг. смена властей УНР, “первой советской республики”, немецкая оккупация и создание гетманата не оказали заметного влияния на ход учебного процесса. В декабре 1918 – июне 1919 гг., после установления власти красных, были предприняты радикальные, но поверхностные по своему воплощению попытки реформирования высшего образования в Харькове – в университет и институты были назначены “комиссары”, была осуществлена попытка “объединения” вузов города (свѣдшаяся к организации общего правления), а в учебные планы вводилось большое число идеологизированных марксизмом “социально-политических” дисциплин. Что более существенно, с приходом красных это полугодие Харьков покинул ряд ключевых профессоров ХКИ, в частности, А. Н.

Анциферов. Более существенный удар по институту советские власти нанесли в начале 1920 года, после своего повторного возвращения в город. В это время институт практически приостанавливает свою деятельность, а его профессора эмигрируют или подвергаются политическим преследованиям.

В таблице 1 приведены академические дисциплины, которые студенты ХКИ изучали на первых двух курсах обучения согласно учебному плану 1915-1916 учебного года. Учебный план первых двух годов обучения был общим для всех студентов, специализация по отделениям осуществлялась на старших, 3-м и 4-м курсах. В колонке 3 указаны даты сдачи С. Кузнецом соответствующих экзаменов и зачётов согласно англоязычной копии его зачётной книжки, предоставленной г-жой Дж. Штейн.

Таблица 1

Учебный план Харьковского коммерческого института, 1915-1916 гг. (1-й и 2-й годы обучения)

Дисциплина	Преподаватель	Оценка ¹	Дата сдачи
1 курс			
Богословие	преп. протоиер. Н. С. Стеллецкий		
Политическая экономия	проф. П. И. Фомин	“Весьма удовлетворительно”	29 апреля 1919 г.
История экономических учений	проф. В. Ф. Левитский	“Весьма удовлетворительно”	16 мая 1919 г.
Общая теория права	проф. А. Н. Фатеев	“Зачтено удовлетворительно”	14 мая 1919 г.
Государственное право	проф. А. Р. Гюнтер	“Весьма удовлетворительно”	26 мая 1919 г.

¹ В высших учебных заведениях начала века использовалась трёхбалльная система оценивания: 1 – весьма удовлетворительно, 2 – удовлетворительно, 3 – неудовлетворительно.

Дисциплина	Преподаватель	Оценка ¹	Дата сдачи
Коммерческая арифметика	преп. А. Н. Сериков	“Весьма удовлетворительно”	18 декабря 1918 г.
Землеведение ²	преп. И. И. Попов	“Зачтено весьма удовлетворительно”	26 апреля 1919 г.
Российская история	проф. В. И. Савва		
Всеобщая история	преп. Н. С. Гольдин		
Английский язык (начальный уровень)	преп. Д. Фербер	“Весьма удовлетворительно”	
Немецкий язык (средний уровень)	преп. О. А. Засядько	“Зачтено”	
Практически занятия			
Политическая экономия	проф. П. И. Фомин		
Общая теория права	доц. И. А. Трахтенберг		
Счетоводство	преп. А. Н. Сериков		
2 курс			
Экономическая политика	проф. М. Н. Соболев		
Статистика	проф. А. Н. Анциферов (И. И. Попов)	“Зачтено”	7 июля 1921 г.
Экономическая география	проф. П. И. Фомин		
Гражданское право	проф. С. Е. Сабинин		
Административное право	проф. А. А. Раевский		

² Переведено как “Physical Geography”.

Дисциплина	Преподаватель	Оценка ¹	Дата сдачи
Счетоводство	преп. П. М. Соболев		
Высшая математика	преп. В. Х. Даватц		
Теория вероятностей	преп. С. Н. Бернштейн		
Специальный курс политической экономии	И. А. Трахтенберг		
Практические занятия			
Статистика	проф. А. Н. Анциферов (И. И. Попов)	“Зачтено”	7 июля 1921 г.
Политическая экономия	доц. И. А. Трахтенберг		
Гражданское право	доц. В. И. Серебровский		
Высшая математика	преп. В. Х. Даватц		

Источник: Отчёт Харьковского коммерческого института за 1916-1917 учебный год [17, с. 18-19]

1-й курс обучения С. Кузнец должен был пройти в 1918-1919 учебном году, 2-й курс – в 1919-1920-м учебном году.

Обращает на себя внимание отсутствие оценок за некоторые из академических дисциплин 1-го курса и большинство дисциплин 2-го курса. Насколько можно судить по имеющимся в коллекции Музея ХНЭУ им. С. Кузнеца копиям зачётных книжек студентов ХКИ, относящимся к данному периоду, задержка со сдачей экзаменов была не одиноким случаем. Нами не установлено, преподавался ли в 1918-1919 г. в ХКИ курс богословия, или был ли он обязателен для лиц не православного вероисповедания. Основой курса было нравственное богословие; преподаватель проводил сравнительный анализ онтологических и

этических основ различных религиозных и философских систем древности и современного началу XX ст. времени, давая им апологетическую, относительно православного христианства, оценку. Этот курс может быть охарактеризован как безусловно интересный и повышающий уровень культурной эрудиции его слушавших. Ведший его преподаватель, профессор Харьковского университета протоирей Н. С. Стеллецкий, в июне 1919 г. был арестован харьковской ЧК, вместе с группой других заложников от “харьковской буржуазии” вывезен при отступлении красных в Суммы и зверски убит начальником концлагеря С. Саенко [21, с. 72].

Отсутствие оценок по российской и всеобщей истории объяснить более сложно. Возможно, эти дисциплины были “отменены” или заменены советскими властями и в первой половине 1919 г. не читались. Читавший высшую математику приват-доцент В. Х. Даватц в ноябре 1919 г. вступил в ряды Добровольческой армии и в Харьков не возвращался. В первом полугодии 1919 г. отсутствовал в занятом большевиками Харькове проф. А.Н. Анциферов; в ноябре 1919 г. с отступающей Белой армией он и проф. А.Н. Фатеев навсегда покинули город.

Уверенно говорить про нормальный ход учебного процесса на втором курсе обучения Кузнеця в ХКИ можно только относительно первого полугодия: сентября – ноября 1919 года. Третий раз красные овладели городом 12 декабря 1919 г., что повлекло за собой кампанию репрессий, направленную, в том числе, против “кадетской” профессуры университета и ХКИ, активно поддерживавшей Вооружённые силы юга России (ВСЮР). Тогда же были проведены аресты среди оппозиционных советскому режиму преподавателей. Проф. В. Ф. Левитский находился под арестом и следствием, проф. В. И. Савва был расстрелян.

В какой мере институт был способен продолжать занятия в течении 1920 г. установить сложно. Профессор П. Фомин, возглавивший вуз после его реорганизации советскими властями в институт народного хозяйства, так писал о его состоянии в данный период: “Весь... период с конца 1919 г. по октябрь 1922 г., в сущности говоря, был посвящён попытка спасти от окончательной деморализации институт, лишённый помещения, библиотеки, лишённый возможности организовать сколь-

нибудь правильные лекционные работы, оставшийся без кабинетов и лабораторий, без минимального имущества и обзаведения”. Тем не менее, описывая ситуацию в толь мрачных красках, П. Фомин упоминает, что и в столь стеснённых условиях институт предпринимал усилия по ведению занятий. В “предоставленном” институту помещении бывшей еврейской богадельни по ул. Куликовской, 12, где “с трудом могут протискаться друг около друга две встречные волны студентов, с недостаточными помещениями для аудиторий и с клетушками в одно окно, где приходится ютиться кабинетам” [20, Ф. 166, Оп. 2, Д. 1512, Л. 16]. Таким образом, про полное прекращение занятий говорить вряд ли возможно; равно как и про возможность их “правильного” хода, со сдачей экзаменов в установленные сроки.

Как можно видеть из копии зачётной книжки, Кузнец делал упор на изучение статистики, экзамен по которой и значится сданным в июне 1921 г. Подпись принимавшего экзамен вместо А. Н. Анциферова поставил И. И. Попов.

Рассматривая структуру учебного плана ХКИ, нетрудно заметить, что на его составление повлияли две характерные для высшего экономического образования начала XX ст. тенденции.

В целом, он построен исходя из немецко-российской образовательной парадигмы, где хозяйственная деятельность, во-первых, воспринимается через призму обеспечивавших её правовых отношений, а, во-вторых, рассматривается как объект государственного, прежде всего законодательного, регулирования. Отсюда присутствие в нём сильного блока правовых дисциплин, курсов истории (общей, национальной, хозяйственной), а также дихотомия курса экономической теории, разделённого на взаимодополняющие курсы политической экономии и экономической политики. Влиятельная в ХКИ группа профессоров юридического факультета Харьковского университета оставалась под влиянием данной парадигмы, продолжая смотреть на экономиста, как на такого себе “юриста нового типа” – “администратора-организатора”, по выражению проф. А. Н. Фатеева [17, с. 12].

В структуре учебного плана также прослеживается влияние всё более сильного интереса к эмпирическим исследованиям в экономике, а также стремления готовить “практических деятелей в области

хозяйства”. В учебном плане первых двух курсов эта тенденция получила отражение в наличии и в конкретном содержании курсов экономической географии и “землеведения”, читавшихся П. И. Фоминым и И. И. Поповым. Она же проявлялась в научно-исследовательской деятельности института. В её рамках были осуществлены вполне значительные как для своего времени проекты по сбору относящейся к народному хозяйству статистической информации; созданы учебно-научные подразделения, такие как Кабинет экономического изучения России, который планировалось развернуть в харьковский аналог создававшихся в то время в Германии и США исследовательских учреждений по изучению экономической динамики и проч.

И. И. Попов давал очень ёмкую концептуально характеристику читавшегося им курса “Землеведения”, отмечая: “Землеведение... в Институте, высшей школе социальных наук и специальной школе социальной организации, не может ставить своей задачей изучение географических явлений самих по себе, оно изучает и рассматривает эти явления, как ту внешнюю среду, в которой и в зависимости от которой слагаются и протекают явления социальной жизни и, в частности, явления экономические... при анализе конкретных явлений хозяйственной жизни во многих случаях эти последние едва ли могут быть рассматриваемы вне условий, создаваемых территорией... и вообще вне зависимости от физико-и-биологической среды” [17, с. 30].

Даже краткое рассмотрение учебного плана ХКИ позволяет предположить, что в его содержании и структуре содержатся идеи, ставшие впоследствии считаться характерными особенностями взглядов и научного стиля С. Кузнецца. А именно, стремление рассматривать экономические явления в динамике; в их связи с процессами в социальной сфере жизни общества; интерес к сбору и эмпирическому анализу статистических данных в экономике и демографии, и не только. Итак, насколько можно подтвердить или опровергнуть данное предположение, а также гипотезы М. Перлмана о “марксистском” периоде в академической биографии Кузнецца (что могло быть только результатом самообразования или участия в деятельности политических кружков), и Г. Вейла о “теоретической непредвзятости” учёного? Чтобы попытаться ответить на эти вопросы рассмотрим

академические биографии и взгляды авторов ключевых, на наш взгляд, учебных курсов 1-го и 2-го курсов ХКИ. Поскольку именно они могли оказать наиболее сильное влияние на формирование С. Кузнецца как подготовленного и эрудированного экономиста, каким он был на момент своей эмиграции в США.

“Русская историческая школа” профессора В. Ф. Левитского. Говоря о “немецко-российской” парадигме высшего экономического образования, следует указать не только на влияние формально-юридического подхода. Признано, что на российскую и украинскую экономическую мысль рубежа XIX – XX ст. сильное влияние оказывала немецкая историческая школа в политической экономии, которая, прежде всего, могла оказывать концептуальное влияние на содержание тех знаний, которые получали студенты ХКИ, а на воспринимаемую ими научную методологию.

Историческая школа представляет из себя довольно сложную и комплексную систему взглядов. Детальные исследования выявляют в её составе несколько направлений, в частности: аналитическое, биолого-социологическое, юридическое и статистическое [29]. Частично, это объясняется этапностью её формирования на протяжении 40-х гг. XIX – нач. XX ст. Общим для всех течений исторической школы является интерес к “неэкономическим” факторам, влияющим на содержание хозяйственных процессов (культуре, социальным отношениям, социальной психологии, государственной политике) и взгляд на экономику как на исторически развивающуюся хозяйственную систему. Интерес к социальным аспектам экономического развития вплотную приводит представителей т.н. новой и юной исторической школы к формулировке понятия института – основного понятия институционального направления в экономической мысли. К институционализму уже безусловно относят самого Кузнецца и учёного, с которым наиболее тесно связан американский период его академического становления – У. К. Митчелла. Учитель У. К. Митчелла – Т. Веблен, собственно, и является основателем т.н. старого институционализма; влияние исторической школы на него также является признанным фактом [26].

Историческая школа в экономической науке ассоциируется с

Германией. Это не удивительно; в Германии работали крупнейшие представители всех её этапов и направлений. Однако, это направление было влиятельным и в академических сообществах других стран, что позволяет говорить об ирландской исторической школе, французской исторической школе и т.д. Вопрос о существовании “русской/украинской исторической школы” был поставлен в недавних работах В. Барнета, где рассматриваются и существующие в литературе взгляды на данную проблему [23; 24]. Раньше (что особенно интересно – в рассматриваемый нами период, на рубеже XIX – XX ст.), взгляд на российскую (украинскую) экономическую науку как на находившуюся под непосредственным влиянием исторической школы был ещё более распространён. К представителям данного направления в России относили И. И. Янжула, А. И. Чупрова и И. Х. Озерова. В их работах можно найти многочисленные параллели и прямые отголоски характерных для исторической школы взглядов. Историческую школу В. Барнетт определяет как “главную компоненту” работ А. И. Чупрова [23, с. 235, 243].

На наш взгляд, более верным было бы акцентировать многочисленные и ещё более глубокие параллели в развитии экономической мысли, характерные для стран континентальной Европы ещё с начала XIX ст., что позволило самому В. Рошеру говорить о “русско-германской” школе в экономической мысли того времени. О себе В. Рошер утверждал, что находится под впечатлением классиков политической экономии – Дж. Ст. Милля, и, особенно, А. Смита [30, с. 183-184]. Вероятно, В. Рошеру импонировала 3-я книга “Исследования о приходе и причинах богатства народов”, где А. Смит развивает конкретно-исторический подход к анализу экономических явлений.

Но это же мог бы сказать о себе и А. И. Чупров. Таким образом, можно говорить о во многом едином интеллектуальном процессе в развитии экономической мысли, для которого характерны и многочисленные пересечения, и определяющие характер национальных школ особенности. Так, относительно А. И. Чупрова, и российской (украинской) экономической мысли второй половины XIX ст., такими особенностями считают их “народническое” направление и интерес к марксизму, вылившийся в его “народническую” интерпретацию. Тогда

как немецкая историческая школа эволюционировала в направлении доктрины государственного социализма А. Вагнера и культурологической методологии М. Вебера и В. Зомбарта.

В Харьковском коммерческом институте с теоретическими подходами к изучению и объяснению экономических явлений студенты знакомились в курсе “Истории экономических учений в связи с историей хозяйственного быта”, который читал профессор Владимир Фавстович Левитский (1854-1939). Эта дисциплина читалась на первом курсе, ей изначально отводилось центральное место среди прочих учебных предметов. Сам В. Ф. Левитский, который был основным автором учебного плана ХКИ, ставил задания своего курса очень выразительно: “Только после критической оценки экономических школ возможно научное построение политической экономии”. Судя по копии зачётной книжки, С. Кузнец сдал её в положенный срок самому В. Ф. Левитскому и получил высшую оценку – “весьма удовлетворительно”.

В. Ф. Левитский в 1919 г. был старейшим и наиболее авторитетным профессором-экономистом Харькова. Кроме ХКИ он преподавал в Харьковском университете, где с 1892 г. возглавлял кафедру полицейского права, и в харьковском технологическом институте. В воспоминаниях А.Р. Гюнтера даётся несколько ироничный отзыв о манере чтения лекций В.Ф. Левитским³. Но какова бы ни была его

³ «Был он очень добрый человек, но лекции читал очень плохо: во-первых, он их читал, а не говорил, это не были живые лекции *à vive voix*, с выразительными интонациями, а безразлично-скучное чтение; во-вторых, читал он их по пожелтевшим листкам. Очевидно, это были подробные конспекты, а может быть, и полные тексты лекций, написанные в самом начале лекторской работы профессора Левитского, то есть лекции, в которых ни единым словом не упоминалось о последних достижениях науки; и, наконец, третий недостаток — Левицкий говорил таким тихим голосом, что даже в первом ряду аудитории ничего не было слышно. Мы, студенты, в шутку говорили, что у профессора Левитского слова застревают в бороде. Но так как мы к нему относились с большим уважением и не хотели, чтобы он, придя на лекцию и увидев пустую аудиторию, уходил огорчённый, то старостат

манера чтения лекций, В.Ф. Левитский был признанным в России учёным-экономистом. Его курс лекций «История политической экономии в связи с историей хозяйственного быта», изданный в 1914 г., в начале XX в. был академическим стандартом для преподавания этой дисциплины в России (Украине). Имеются и современные переиздания этого пособия [6].

Академическая биография В. Ф. Левитского довольно красноречива и характерна для своей эпохи. Он происходил из семьи священника Киевской губернии. Он обучался в Киевской духовной семинарии, но не оставил её по окончании 4-го (философского) класса, увлёкшись “запрещённой” литературой. В 1874 г. он поступил в Новороссийский университет, где сначала слушал лекции по естественным наукам, а затем перешёл на юридический факультет, на котором на него “произвели особенное впечатление” лекции профессоров Посникова (политическая экономия) Дювернуа (римское право) и Леонтовича (история русского права). Во время учёбы в университете, 1875-1877 гг. В. Ф. Левитский стал активным членом и лектором подпольного народнического кружка лавристов. В 1876 и 1878 гг. находился под следствием. Во второй раз – по резонансному делу А. Гобста, готовившего покушение на Александра II. Несколько дней В. Ф.

курса предложил установить дежурства на каждой лекции Левитского из 15-20 студентов. Это предложение на общем собрании курса было принято, и всё пошло нормально». – Фёдорова Е. Безымянное поколение : Записки правоведа, адвоката, бывшего меньшевика Александра Гюнтера (1890–1984) / Е. Федорова. – М. : [б.и.], 2004. – С. 265.

Возможно, под «последними достижениями в науке» А.Р. Гюнтер, писавший свои воспоминания в глубокой старости, имел ввиду недолжное, по его мнению студенческих лет, внимание, которое В.Ф. Левитский уделял актуальным на тот момент течениям в марксизме. Однако в любом случае, это замечание нельзя распространять на маргиналистов, с работами которых В. Ф. Левитский был знаком досконально, что отражается в его опубликованных трудах, и, вероятно, Й. Шумпетера,

Левитский провёл под арестом, после чего был приговорён к административной высылке [12, с. 47], однако, смог продолжить занятия в университете. С 1879 г. он активно посещал неформальный кружок, сложившийся вокруг молодого профессора-экономиста А. С. Посникова (1846-1922) [2, с. 287], локального земского деятеля и теоретика общины, либерального народника; в 1902 г. А. С. Посников стал первым деканом открытого по инициативе С. Ю. Витте экономического отделения С.-Петербургского политехнического института – первого в империи высшего экономического учебного заведения; депутат Государственной думы IV созыва от Петроградской губернии [19].

По окончании университета, В. Ф. Левитский не имел успеха в попытках заняться юридической практикой и выбрал академическую карьеру. В 1881-1883 гг. он был командирован для прохождения научной стажировки в Германию. Там он слушал лекции в университетах Гейдельберга и Берлина, в частности, участвовал в занятиях семинара Г. фон Шмоллера – ключевой фигуры т.н. новой исторической школы. По возвращении в Россию В. Ф. Левитский выдержал экзамен на степень магистра политической экономии в Московском университете; в 1885 г. защитил диссертацию *pro venia legendi* “Вопрос о методе политической экономии в новейшей Германской литературе” в Демидовском Ярославском лицее, что дало ему право быть избранным приват-доцентом по кафедре политической экономии; в 1890 г. в Московском университете получил степень магистра политической экономии за диссертацию “Задачи и методы науки о народном хозяйстве”. В Харьковском университете В. Ф. Левитский начал преподавание в 1893 г., заняв кафедру полицейского права, и, с 1902 г. – кафедру политической экономии и статистики. Кафедру, и звание ординарного профессора В. Ф. Левитский получил после защиты в Московском университете своей докторской диссертации “Сельскохозяйственный кризис во Франции” [2, с. 287-288].

Таким образом, В. Ф. Левитский должен был быть безусловно и достаточно глубокого знаком с современными ему течениями в экономической мысли, а сама экономическая методология была его специализацией. Его академическая биография указывает на три вероятных источника, повлиявших на его взгляды. Он был

непосредственно знаком с новой исторической школой в Германии. Его тесные контакты с Московским университетом указывают на фигуру А. И. Чупрова. Наконец, он был “народником 1870-х гг.”, что в то время было очень понятной и яркой характеристикой взглядов и убеждений человека, принадлежавшего к тому поколению.

Итак, в своём курсе лекций (издававшемся до 1917 г. дважды – в 1907 и 1914 гг.) В. Ф. Левитский последовательно рассматривал особенности хозяйственного строя народов Европы начиная с Античности, и развитие, в контексте исторических эпох, экономических взглядов. В работе над курсом он опирался на консультации историков университета. В эпоху Нового времени последовательно рассматриваются и анализируются школы меркантилистов, физиократов, английская классическая школа, социализм и научный социализм, протекционизм Ф. Листа, историческая школа, “социально-политическое направление” А. Вагнера. В предисловии к учебнику В. Ф. Левитский замечает, что в издание не вошли главы про взгляды ревизионистов марксизма и австрийской школы, а также “характеристика некоторых течений в области методологии политической экономии”, представленные в его лекциях [5, с. 8].

В основной работе В. Ф. Левитского, “Задачи и методы науки о народном хозяйстве” (1890 г.) содержатся ссылки труды на 110 европейских и российских авторов. По частотам упоминания авторов распределяются следующим образом (табл. 2).

Таблица 2

**Частота упоминания авторов в работе В. Ф. Левитского “
Задачи и методы науки о народном хозяйстве”**

Имя	Количество упоминаний
Knies, Karl	75
Mill, John Stuart	70
Smith, Adam	62
Schmoller, Gustav von	55
Menger, Carl	52
Rodbertus, Karl	38
Ricardo, David	36

Cliffe Leslie, Thomas	35
Brentano, Lujo	29
Dargun, Lotar	29
Dietzel, Heinrich	28
Sax, Emil	28
Cairnes, John	26
Ingram, John	26
Wagner, Adolph	26
Roscher, Wilhelm	22
Kautz, Julius	21
List, Friedrich	21
Marx, Karl	18
Schäffle, Albert	16
Jhering, Rudolf von	14
Mohl, Robert von	13
Bagehot, Walter	12
Cohn, Gustav	12
Rümelin, Gustav von	12
Sidgwick, Henry	12
Wundt, Wilhelm	12
Hildebrand, Bruno	11
Stein, Lorenz von	10
Прочие	199

Источник: подсчитано автором на основе {Левитский, 1890 #21}

Менее 10 раз упомянуты, в том числе, О. фон Бём-Баверк, У. Джевонс, А. Тойнби, Й. фон Тюнен, Ф. Бастиа, Т. Мальтус, А. Тюрго, К. Дитцел, Дж. Коммонс, Г. Джордж, А. Маршалл, Н. Зибер. Низкое количество упоминаний работ А. Маршалла можно объяснить тем, что его основной труд – “Принципы экономической науки”, на момент публикации работы В. Ф. Левитского ещё не вышел из печати.

Действительно, судя из приведённых частот упоминаний, основное внимание В. Ф. Левитского привлекали представители немецкой

исторической школы. Также, много места отводилось учёным классической школы, в особенности, Дж. Ст. Миллю. И, очевидный интерес у В. Ф. Левитского вызывал труд К. Менгера. Всё это ожидаемо и не вызывает удивления; В. Ф. Левитский посещал семинар Г. фон Шмоллера в самый разгар “спора о методах” (Methodenstreit), и наверняка проблеме теоретического конфликта между Немецкой исторической и Австрийской школами там приселялось немало внимания. Что книга задумывалась под впечатлением от вышедшей в 1883 г. работы К. Менгера В. Ф. Левитский указывает уже в предисловии [4, с. III]. Интересно то, что В. Ф. Левитский не становится на точку зрения Г. фон Шмоллера и не отвергает идеи Австрийской школы. Он признаёт большой вклад К. Менгера в экономическую методологию.

Противоречия во взглядах представителей нескольких школ в политэкономии: Немецкой “новоисторической”, английской классической, “социалистической” и Австрийской и являются предметом анализа в работе В. Ф. Левитского. Эти противоречия он рассматривает именно как методологические. Целью, которую ставил перед собой В. Ф. Левитский, было нахождение возможности синтеза сильных сторон этих школ для построения основ позитивной, объективной экономической науки. “...уже самый тот факт, что обвинения в “не реальности” и т.п. направляются не против отдельных представителей той или другой школы, но против основных воззрений целой школы и в общем каждая школа имеет целый обвинительный акт против всех остальных, представляет, на первый взгляд, с невыгодной стороны экономическую науку... в особенности для лиц знакомых с состоянием положительных наук современны отношения между экономическими школами могут представляться фактом чрезвычайно компрометирующим экономическую науку” [4, с. 5].

Как видим, задача построения экономической науки как позитивной науки ясно ставилась в Харькове ещё в конце XIX ст. Насколько эта позитивная наука мыслилась как эмпирическая?.. В. Ф. Левитский проводит критический анализ и пытается выделить “положительные истины” в концептуальные положения каждой из современных ему школ политической экономии, отбросив “случайные заблуждения”, проистекающие из “условий времени” и “настроений века” [4, с. 6].

Он ставит задачу теоретического синтеза. Каким же образом она решается? Прежде всего, через предложенное К. Менгером разделение экономических наук на “исторические” (или “историко-статистические”, такое уточнение ясно раскрывает возлагавшиеся на них задачи), “теоретические” и “практические” [4, с. 9]. Далее следует, что к теоретическому конфликту приводит неверное понимание школами области применения своих работ. Так, Исторической школой разработаны методы статистического исследования экономической динамики; Классической школой – методы анализа экономических процессов. Однако представители обеих школ взаимно отрицают свои достижения.

С другой стороны, “индивидуалистическая” (Классическая и Австрийская?) и “социалистическая” школы имеют кардинальное методологическое противоречие заключающееся в противоположном взгляде на процесс разделения труда. Близкий к исторической школе немецкий государственный социализм постулирует его как механизм сплочения людей в рамках национального хозяйства и национального дохода (это положение Новой исторической школы детально проанализировано Х. Нау и Ф. Штайнером [33]). Индивидуалистический социализм Маркса и индивидуалистический подход Классической школы видят в процессе разделения труда прежде всего механизм индивидуального присвоения. Притом, марксисты дают ему крайне негативную оценку [4, с. 11-12].

Окончательному определению места и отношения экономических школ в рамках системы позитивного знания о хозяйстве посвящён последний раздел монографии В. Ф. Левитского “Критика экономических систем и их классификация”. Здесь В. Ф. Левитский даёт расширенное изложение того же классифицирующего принципа – разделение экономической науки на “теорию”, “политику” и “историю” (статистику) с соответствующими сферами компетенции [4, с. 252]. Политико-экономические доктрины классифицируются в соответствии с их “сильными сторонами”: протекционизм Ф. Листа – как система хозяйственной политики, доктрины ценности и капитала К. Менгера и О. фон Бём-Баверка – как “чисто теоретические” и т.д.

Взгляды В. Ф. Левитского имели многоплановый и “многословный”

характер. Так, он явно разделяет ключевое положение Исторической школы о соответствии форм хозяйственной организации условиям исторической эпохи, а экономических учений – этим формам. Компетенцию “теоретической экономии” (экономического анализа Классической и Австрийской школ) он ограничивает исследованием характерных для данной исторической эпохи типов хозяйствования. Сам же процесс формирования и изменения этих типов относится к компетенции тех методов исследования, которые использовала Историческая школа.

Интересно, что В. Ф. Левитский объединяет Классическую и Австрийскую школу на основе единства их метода. Очевидно, что идеи неоклассического обновления экономической науки были В. Ф. Левитскому интуитивно понятны и до выхода работы “Принципов экономической науки” А. Маршалла.

Интересно, что почти в это же время прилагал усилия, чтобы убедить экономистов Немецкой исторической школы в полезности “теоретического” (классического – австрийского – неоклассического) Й. Шумпетер [32, с. 511].

Также очевидно, что истоки развивавшейся В. Ф. Левитским идеи о построении экономического знания на принципах позитивных наук лежали в позитивизме О. Конта и А. Кетле, популярном среди молодёжи 1870-х гг. Отсюда симпатии к экономическому анализу, созданному Классической и Австрийской школами. Подобным же образом может быть объяснён и интерес к Дж. Ст. Миллю, на взгляды которого В. Ф. Левитский совершенно очевидно опирается. Весьма вероятно, что В. Ф. Левитский в молодости был знаком с трактовкой Милля, данной Н. Г. Чернышевским, “властителем дум” российской образованной молодёжи 1860-х – 1870-х гг. (“Основания политической экономии” Дж. Ст. Милля с примечаниями (комментариями) Н. Г. Чернышевского были изданы в 1860 г.).

В контексте творчества С. Кузнеця, наиболее интересным в “позитивистской” основе научных взглядов В. Ф. Левитского является его оценка учения Дж. Ст. Милля о дедуктивных и эмпирических законах и о методах научного исследования, изложенных в его “Системе логики” (1843). Это учение было широко известно в академических кругах

России / Украины на рубеже XIX – XX ст., но практически незнакомо современным биографам Кузнеця. В. Ф. Левитского интересовали строгие критерии, предъявленным Дж. Ст. Миллем к эмпирической проверке дедуктивных законов. В контексте работы В. Ф. Левитского это значило, что выведенные из абстрактно-аналитических построений Классической, Австрийской школ и марксизма теоретические закономерности не могут быть сочтены достоверным научным знанием, пока их не удастся подтвердить методами, используемыми Исторической школой. Например, материалами хозяйственной статистики или историческими фактами.

В. Ф. Левитский здесь решительно возражает Дж. Ст. Миллю, аргументируя, что экономические отношения слишком сложны для того, чтобы из них можно было выделить отдельные экономические явления в чистом виде. Такое возможно только с помощью абстрактного анализа. Следовательно, выведенные с его помощью закономерности и не могут быть с достаточной ясностью выявлены эмпирически: “мы... можем даже утверждать, что основные законы, вообще, заведомо не могут и не должны совпадать с результатами эмпирического исследования” [4, с. 117]. Как нам известно, в этом пункте С. Кузнець решительно не согласился со своим профессором, сочтя более заслуживающей доверия прямо противоположную точку зрения.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Таким образом, можно считать очевидным, что ознакомление С. Кузнеця с методологией экономической науки началось в Харьковском коммерческом институте и было достаточно глубоким, чтобы оказать влияние на формирование его дальнейших научных взглядов и убеждений. В частности, это касается ключевых положений об эмпирическом методе в экономическом анализе; о природе экономического поведения человека и институтах; о конфликте субъективистских и априорных подходов Австрийской и Классической школ с социологическим и эмпирическим подходом Немецкой исторической школы. Также, очевидными являются особенности взглядов харьковских учителей С. Кузнеця на данную проблематику.

Принимая во внимание роль статистического анализа в данной системе взглядов, в развитии экономической науки XX ст., а также,

собственно, в дальнейшем научном творчестве Кузнецца, необходимым является рассмотрение содержания данного блока научных дисциплин, преподававшихся с. Кузнецу в ХКИ. Перспективным является анализ взглядов преподавателей, ведших курсы политической экономии, экономической политики и экономической географии (П. И. Фомин, М. Н. Соболев). Это позволит выявить возможное место марксизма во взглядах С. Кузнецца харьковского периода его академической биографии, и рассмотреть вопрос о некоторых истоках развивавшейся им впоследствии тематики экономического развития.

Литература

1. Аникин А. В. Люди науки : Встречи с выдающимися экономистами. / А. В. Аникин – М.: Дело, 1995. – 93, [2] с.
2. Владимир Фавстович Левитский. // Юридический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования, 1805 - 1905 / Под ред. М. П. Чубинского и Д. И. Багалея / Editor Харьков: Типография «Печатное дело», 1908. – С. 286-288.
3. Державний архів Харківської області (ДАХО)
4. Левитский В. Ф. Задачи и методы науки о народном хозяйстве / В. Ф. Левитский – Ярославль: Типо-лит. Г.В. Фальк, 1890. – VI, 254 с.
5. Левитский В. Ф. История политической экономии в связи с историей хозяйственного быта / В. Ф. Левитский – Харьков Тип. "Адольф Дарре", 1914. – [2], 493 с.
6. Левитский В. Ф. История политической экономии в связи с историей хозяйственного быта : с древнейших времен до конца XIX века / В. Ф. Левитский – Изд. 2-е. – Москва URSS ЛИБРОКОМ, 2012. – [3], 492 с. — (Академия фундаментальных исследований: история).
7. Меньшиков М. О. Национальная политика / М. О. Меньшиков, сост. С. В. Харитонов and предисл. М. Б. Смолина // Как воскреснет Россия? Избранные статьи / Editor СПб: Русская симфония, 2007. – С. 466-472. — (Серия "Книжные памятники из фондов Библиотеки Академии Наук").
8. Московкин В. Семён Кузнец: Его профессиональное окружение в Харькове и первая научная работа / В. Московкин // Бизнес-Информ. –

2002. – № 9-10. – С. 83-99.

9. Московкин В. О судьбах тех, кто обучас Семена Кузнеца в Харькове / В. Московкин and Л. Божко // Новий колегіум. – 2011. – № 3. – С.69-83.

10. Московкин В. М. Две загадки Семёна Кузнеца / В. М. Московкин // Культурна спадщина Слобожанщини. – 2011. – Вип. 25. – С.94-98.

11. Московкин В. М. Неизвестный Семен Кузнец: учёба в Харькове / В. М. Московкин // Universitates-Университеты. – 2010. – № 1. – С.52-65.

12. Московкин В. М. Выдающийся отечественный экономист конца XIX - начала XX века В. Ф. Левитский / В. М. Московкин and В. П. Белик // Universitatis = Университеты. – 2012. – № 2 (49). – С. 46 - 58.

13. Московкин В. М. Б., В. П. Выдающийся отечественный экономист конца XIX - начала XX века В. Ф. Левитский / В. М. Б. Московкин, В. П. // Universitates - Университеты: Научно-популярный журнал. – 2012. – № 2. – С. 46-58.

14. Московкин В. М. М., Д. Ю. . Саймон Кузнец и харьковская высшая экономическая школа начала XX ст. / В. М. М. Московкин, Д. Ю. // Кузнец С. Экономическая система д-ра Шумпетера, излагаемая и критикуемая, Перлман М. Две фазы заинтересованности Кузнеца Шумпетером / Сост. докт. геогр. н., проф. В.М. Московкин, канд. ист. н. Д.Ю. Михайличенко, перев. Е.Е. Перчик; Под ред. докт. экон. н., проф. В.С. Пономаренко. / EditorХарьков: ИД «ИНЖЕК», 2013. – С. 7 - 34.

15. Московкин В. С., Т. Обучение братьев Семёна и Соломона Кузнец в Ровенском реальном училище / В. С. Московкин, Т. // Новий Колегіум. – 2012. – № 2. – С. 75-94.

16. Московкин М. О судьбах тех, кто обучал Семёна Кузнеца в Харькове / М. Московкин // Новий Колегіум. – 2011. – № 3. – С. 69-83.

17. Отчёт Харьковского коммерческого института за 1916-1917 учебный год. / Харьковский коммерческий институт // Известия Харьковского коммерческого института. – 1918. – № 1. – С. 15-77.

18. Пономаренко В. С. Нариси з історії Харківського національного економічного університету: Монографія / В. С. Пономаренко, Д. Ю. Михайличенко, В. Є. Єрмаченко and О. А. Сахно; Під заг. ред. В. С. Пономаренка – Харків: Видавничий Дім «ИНЖЕК», 2005. – 328 с.

19. Хайлова Н. Б. Посников Александр Сергеевич / Н. Б. Хайлова // Государственная дума Российской империи: 1906-1917: Энциклопедия /

- Editor Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – С. 485-486.
- 20.** Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦДАВО) - Оп. 2
- 21.** Шудрик И. А. Жизнь, духовное наследие и мученическая смерть профессора, протоиерея Николая Стеллецкого (к 80-летию его трагической гибели) / И. А. Шудрик // Віра і розум. – 2000. – № 1. – С. 71-78.
- 22.** Abramovitz M. Association Notes: In Memoriam: Simon Kuznets (1901-1985) / M. Abramovitz // The Journal of Economic History. – 1986. – Vol. 46, – No. 1 (Mar., 1986). – pp. 239-246.
- 23.** Barnett V. Historical political economy in Russia, 1870–1913 / V. Barnett // The European Journal of the History of Economic Thought. – 2004. – Vol. 11, – N 2 (2004/06/01). – P. 231-253.
- 24.** Barnett V. Tugan-Baranovsky, the Methodology of Political Economy, and the "Russian Historical School" / V. Barnett // History of Political Economy. – 2004. – Vol. 36, – N 1 (March 2004). – P. 79-101.
- 25.** Ben-Porath Y. Simon Kuznets in Person and in Writing / Y. Ben-Porath // Economic Development and Cultural Change. – 1988. – Vol. 36, – No. 3 (Apr., 1988). – pp. 435-447.
- 26.** Duggar W. M. The Origins of Thorstein Veblen's Thought / W. M. Duggar // Social Science Quarterly. – 1979. – Vol. 60, – N 3 (December 1979). – P. 424–431.
- 27.** Some Notes on the Scientific Methods of Simon Kuznets / Fogel R. W.; R. W. Fogel - National Bureau of Economic Research, 1987. - 39 p.
- 28.** Goldthwaite R. Association Notes: In Memoriam: Frederic C. Lane 1900-1984, Simon Kuznets 1901-1985 / R. Goldthwaite and M. Abramovitz // The Journal of Economic History. – 1986. – Vol.46, – № 1. – P.239-246.
- 29.** Grimmer-Solem E. In search of full empirical reality: historical political economy, 1870– 1900 / E. Grimmer-Solem and R. Romani // European Journal of the History of Economic Thought. – 1999. – Vol/ 6, – N 3. – P. 333–364.
- 30.** Ingram J. K. A History of Political Economy. New and Enlarged Edition with a Supplementary Chapter by William A. Scott and an Introduction by Richard T. Ely / J. K. Ingram – London: A. and C. Black, 1915. – 315 p.

- 31.** Maddison A. Contours of the World Economy and the Art of Macro-measurement 1500–2001 / A. Maddison // Ruggles Lecture, IARIW 28th General Conference, Cork, Ireland August 2004. – 2004. – - (Date). – P. 7-8. – [Електроний ресурс] – Режим доступу: <http://www.ggdc.net/Maddison/articles/ruggles.pdf>
- 32.** Michaelides P. G. Joseph Schumpeter and the German Historical School / P. G. Michaelides and J. G. Milios // Cambridge Journal of Economics. – 2009. – Vol. 33. – 495–516.
- 33.** Nau H. H. Schmoller, Durkheim, and Old European Institutional Economics / H. H. Nau and P. Steiner // Journal of Economic Issues. – 2002. – Vol. 36, – No. 4 (Dec., 2002). – P. 1005-1024.
- 34.** Perlman M. Jews and Contributions to Economics : A Bicentennial Review / M. Perlman // Judaism. – 1976. – Vol. 25, – Issue 3 (June 1976). – p. 301-311.
- 35.** Perlman M. Two phases of Kuznets's interest in Schumpeter / M. Perlman // Economics Broadly Considered: Essays in Honour of Warren J. Samuels / Editor London, New-York: Routledge, 2001. – pp. 125-140. — (Routledge studies in the history of economics).
- 36.** Simon Kuznets - Biographical [Online]. - The Nobel Foundation. - http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/economic-sciences/laureates/1971/kuznets-bio.html.
- 37.** Weyl E. G. Simon Kuznets: Cautious Empiricist of the Eastern European Jewish Diaspora / E. G. Weyl // Simon Kuznets, Jewish Economies: Development and Migration in America and Beyond ? Volume I: The Economic Life of American Jewry / Editor New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 2011. – xv-iv.

References

1. Anykyn A. V. Lyudy nauky : Vstrechy s vydayushchymysya ekonomystamy [People of Science: Meetings with prominent economists] / A. V. Anykyn – M.: Delo, 1995. – 93, [2] s.
2. Vladymyr Favstovych Levytskyy. // Yurydycheskyy fakul'tet Khar'kovskoho unyversyteta za pervyye sto let eho sushchestvovanyya, 1805 - 1905 [Vladimir Favstovich Levitsky. // Faculty of Law of Kharkov University

for the first hundred years of its existence, 1805 - 1905] / Pod red. M. P. Chubynskoho y D. Y. Bahaleya / Editor Khar'kov: Typohrafiya «Pechatnoe delo», 1908. – S. 286-288.

3. Derzhavnyy arkhiv Kharkivs'koyi oblasti (DAKhO) [State Archive of The Kharkiv Region]

4. Levyt'skyy V. F. Zadachy y metody nauky o narodnom khozyaystve [Tasks and Methods of the Science of a National Economy] / V. F. Levyt'skyy – Yaroslavl': Typo-lyt. H.V. Fal'k, 1890. – VI, 254 s.

5. Levyt'skyy V. F. Ystoryya polytycheskoy ekonomyy v svyazy s istoryey khozyaystvennoho byta [History of Political Economy in Connection with the History of Economic Life] / V. F. Levyt'skyy – Khar'kov Typ. "Adolf Darre", 1914. – [2], 493 s.

6. Levyt'skyy V. F. Ystoryya polytycheskoy ekonomyy v svyazy s istoryey khozyaystvennoho byta : s drevneyshykh vremen do kontsa XIX veka [History of political economy in connection with the history of economic life: from the most ancient times to the end of the XIX century] / V. F. Levyt'skyy – Yzd. 2-e. – Moskva URSS LYBROKOM, 2012. – [3], 492 s. — (Akademyya fundamental'nykh yssledovanyy: ystoryya).

7. Men'shykov M. O. Natsyonal'naya polytyka [National policy] / M. O. Men'shykov, sost. S. V. Kharytonov and predysl. M. B. Smolyna // Kak voskresnet Rossyya? Yzbrannyye stat'y / Editor SPb: Russkaya symfoniya, 2007. – S. 466-472. — (Seryya "Knyzhnye pamyatnyky yz fondov Byblyoteky Akademyy Nauk").

8. Moskovkyn V. Semen Kuznets: Eho professyonal'noe okruzheniye v Khar'kove y pervaya nauchnaya rabota [Semen Kuznets: His Professional Environment in Kharkiv and the First Scientific Work] / V. Moskovkyn // Byznes-Ynform. – 2002. – # 9-10. – S. 83-99.

9. Moskovkyn V. O sud'bakh tekhn, kto obuchas Semena Kuzneta v Khar'kove [About the fate of those who are training Semen Kuznets in Kharkiv] / V. Moskovkyn and L. Bozhko // Novyy kolehium. – 2011. – # 3. – S.69-83.

10. Moskovkyn V. M. Dve zahadky Semena Kuzneta [Two puzzles of Semen Kuznets] / V. M. Moskovkyn // Kul'turna spadshchyna Slobozhanshchyny. – 2011. – Vyp. 25. – S.94-98.

11. Moskovkyn V. M. Neyzvestnyy Semen Kuznets: ucheba v Khar'kove

[Unknown Semyon Kuznets: study in Kharkov] / V. M. Moskovkyn // Universitates-Unyversytety. – 2010. – # 1. – S.52-65.

12. Moskovkyn V. M. Vydayushchyysya otechestvennyy ekonomyst kontsa XIX - nachala XX veka V. F. Levyt-sky [Outstanding domestic economist of the late XIX - early XX centuries V. F. Levitsky] / V. M. Moskovkyn and V. P. Belyk // Universitatis = Unyversytety. – 2012. – # 2 (49). – S. 46 - 58.

13. Moskovkyn V. M. B., V. P. Vydayushchyysya otechestvennyy ekonomyst kontsa XIX - nachala KhKh veka V. F. Levytsky [Outstanding domestic economist of the late XIX - early XX century V.F. Levitsky] / V. M. B. Moskovkyn, V. P. // Universitates - Unyversytety: Nauchno-populyarnyy zhurnal. – 2012. – # 2. – S. 46-58.

14. Moskovkyn V. M., Mykhailychenko D. Yu. . Saymon Kuznets y khar'kovskaya vysshaya ekonomycheskaya shkola nachala KhKh st. [Simon Kuznets and Kharkiv High School of Economics at the beginning of the 20th century] / V. M. M. Moskovkyn, D. Yu. Mykhailychenko // Kuznets S. Ekonomycheskaya systema d-ra Shumpetera, izlahaemaya y krytykuemaya, Perlman M. Dve fazy zaynteresovannosty Kuznetsa Shumpeterom / Sost. dokt. heohr. n., prof. V.M. Moskovkyn, kand. yst. n. D.Yu. Mykhaylychenko, perev. E.E. Perchyk; Pod red. dokt. ekon. n., prof. V.S. Ponomarenko. / EditorKhar'kov: YD «YNZhEK», 2013. – S. 7 - 34.

15. Moskovkyn V. S., T. Obuchenye brat'ev Semëna y Solomona Kuznets v Rovenskom real'nom uchylyshche [Training of the brothers Semyon and Solomon Kuznets in the Rivne real school] / V. S. Moskovkyn, T. // Novyy Kolehium. – 2012. – # 2. – S. 75-94.

16. Moskovkyn M. O sud'bakh tekhn, kto obuchal Semëna Kuznetsa v Khar'kove [About the Fates of Those Who Trained Semyon Kuznets in Kharkiv] / M. Moskovkyn // Novyy Kolehium. – 2011. – # 3. – S. 69-83.

17. Otchët Khar'kovskoho kommercheskoho ynstytuta za 1916-1917 uchebnyy hod [Report of the Kharkiv Commercial Institute for the academic year 1916-1917] / Khar'kovskyy kommercheskyy ynstytut // Yzvestyya Khar'kovskoho kommercheskoho ynstytuta. – 1918. – # 1. – S. 15-77.

18. Ponomarenko V. S. Narysy z istoriyi Khar'kivs'koho natsional'noho ekonomichnoho universytetu: Monohrafiya [Essays on the history of Kharkiv National University of Economics: Monograph] / V. S. Ponomarenko, D. Yu.

Mykhaylychenko, V. Ye. Yermachenko and O. A. Sakhno; Pid zah. red. V. S. Ponomarenka – Kharkiv: Vydavnychy Dim «INZhEK», 2005. – 328 s.

19. Khaylova N. B. Posnykov Aleksandr Serheevych / N. B. Khaylova // Hosudarstvennaya дума Rosсыyskoy ympery: 1906-1917: Entsyklopedyya [Posnikov Alexander Sergeevich / N. B. Khailova // State Duma of the Russian Empire: 1906-1917: Encyclopediya] / Editor Moskva: Rosсыyskaya polytycheskaya entsyklopedyya (ROSSPЭN), 2008. – S. 485-486.

20. Tsentral'nyy hosudarstvennyy arkhiv vysshykh orhanov vlasty y upravlenyya Ukrayny (TsDAVO) [Central State Archives of the Supreme Power and Administration of Ukraine]

21. Shudryk Y. A. Zhyzn', dukhovnoe nasledye y muchenycheskaya smert' professora, protoyereya Nykolaya Stellets'koho (k 80-letyyu eho trahycheskoy hybely) [Life, spiritual heritage and martyr's death of professor, archpriest Nikolai Stelletsy (to the 80th anniversary of his tragic death)] / Y. A. Shudryk // Vira i rozum. – 2000. – # 1. – S. 71-78. 22. Abramovitz M. Association Notes: In Memoriam: Simon Kuznets (1901-1985) / M. Abramovitz // The Journal of Economic History. – 1986. – Vol. 46, – No. 1 (Mar., 1986). – pp. 239-246.

23. Barnett V. Historical political economy in Russia, 1870–1913 / V. Barnett // The European Journal of the History of Economic Thought. – 2004. – Vol. 11, – N 2 (2004/06/01). – P. 231-253.

24. Barnett V. Tugan-Baranovsky, the Methodology of Political Economy, and the "Russian Historical School" / V. Barnett // History of Political Economy. – 2004. – Vol. 36, – N 1 (March 2004). – P. 79-101.

25. Ben-Porath Y. Simon Kuznets in Person and in Writing / Y. Ben-Porath // Economic Development and Cultural Change. – 1988. – Vol. 36, – No. 3 (Apr., 1988). – pp. 435-447.

26. Duggar W. M. The Origins of Thorstein Veblen's Thought / W. M. Duggar // Social Science Quarterly. – 1979. – Vol. 60, – N 3 (December 1979). – P. 424–431.

27. Some Notes on the Scientific Methods of Simon Kuznets / Fogel R. W.; R. W. Fogel - National Bureau of Economic Research, 1987. - 39 p.

28. Goldthwaite R. Association Notes: In Memoriam: Frederic C. Lane 1900-1984, Simon Kuznets 1901-1985 / R. Goldthwaite and M. Abramovitz // The Journal of Economic History. – 1986. – Vol.46, – № 1. – P.239-246.

29. Grimmer-Solem E. In search of full empirical reality: historical political economy, 1870– 1900 / E. Grimmer-Solem and R. Romani // European Journal of the History of Economic Thought. – 1999. – Vol/ 6, – N 3. – P. 333–364.

30. Ingram J. K. A History of Political Economy. New and Enlarged Edition with a Supplementary Chapter by William A. Scott and an Introduction by Richard T. Ely / J. K. Ingram – London: A. and C. Black, 1915. – 315 p.

31. Maddison A. Contours of the World Economy and the Art of Macro-measurement 1500–2001 / A. Maddison // Ruggles Lecture, IARIW 28th General Conference, Cork, Ireland August 2004. – 2004. – - (Date). – P. 7-8. – [Электроний ресурс] – Режим доступа: <http://www.ggdc.net/Maddison/articles/ruggles.pdf>

32. Michaelides P. G. Joseph Schumpeter and the German Historical School / P. G. Michaelides and J. G. Milios // Cambridge Journal of Economics. – 2009. – Vol. 33. – 495–516.

33. Nau H. H. Schmoller, Durkheim, and Old European Institutional Economics / H. H. Nau and P. Steiner // Journal of Economic Issues. – 2002. – Vol. 36, – No. 4 (Dec., 2002). – P. 1005-1024.

34. Perlman M. Jews and Contributions to Economics : A Bicentennial Review / M. Perlman // Judaism. – 1976. – Vol. 25, – Issue 3 (June 1976). – p. 301-311.

35. Perlman M. Two phases of Kuznets's interest in Schumpeter / M. Perlman // Economics Broadly Considered: Essays in Honour of Warren J. Samuels / Editor London, New-York: Routledge, 2001. – pp. 125-140. — (Routledge studies in the history of economics).

36. Simon Kuznets -Biographical [Online]. - The Nobel Foundation. - http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/economic-sciences/laureates/1971/kuznets-bio.html.

37. Weyl E. G. Simon Kuznets: Cautious Empiricist of the Eastern European Jewish Diaspora / E. G. Weyl // Simon Kuznets, Jewish Economies: Development and Migration in America and Beyond ? Volume I: The Economic Life of American Jewry / Editor New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 2011. – xv-iv.

Михайличенко Д.Ю. – кандидат исторических наук, доцент

кафедры политической экономии Харьковского национального экономического университета имени Семёна Кузнеця (пр. Науки, 9а, г. Харьков, 61116, Украина, e-mail: dmytro.mykhailychenko@gmail.com)

Михайличенко Д.Ю. - кандидат історичних наук, доцент кафедри політичної економії Харківського національного економічного університету імені Семена Кузнеця (пр. Науки, 9а, г. Харьков, 61116, Україна, e-mail: dmytro.mykhailychenko@gmail.com)

Mikhaylichenko D.Yu. - Candidate of Historical Sciences, Docent of the Department of Political Economy of the Kharkov National University of Economics named after Simon Kuznets (Nauki Ave., 9a, Kharkov, 61116, Ukraine, e-mail: dmytro.mykhailychenko@gmail.com)

Наданий матеріал раніше не публікувався та в інші видання не надсилався